

Седрик Игнас и Игоне де Жонг в Промежутке Времени. Фото: Е. Каулдар/Данс Европа

Черкауи и Даусон

МЭГГИ ФОЙЕР рукоплещет
Голландскому Национальному
Балету фонтанирующему идеями
и выдумками, воздействующими

“Лабиринт” был полон очевидных открытий, обращенных к чувствам. Образы, созданные Черкауи, не только воздействуют зрительно, но и управляют эмоциями сидящих в зале. Прочные ленты из эластика, свисающие с потолка – старый хореографический прием – используется здесь в новом, неожиданном виде. Переплетение линий и диагоналей образует лабиринт; есть и другой впечатляющий образ – туго сплетаясь, эти ленты образуют некое фантастическое дерево, а затем распадаются в мощном всплеске энергии

Одинокое висающая лета становится молчаливым партнером Нади Яновски в первом соло, с ее движениями гармонируют складки костюма танцовщицы. Тот же образ вернется в конце, на этот раз у Юргиты Дрониной,

в незамысловатом, но потрясающем по силе эпизоде. Черкауи, который не учился традиционному пуантному танцу, создает свои собственные правила, ведя технику совершенно неизведанными путями. Эрика Хорвуд, стоя на пальцах в четвертой позиции, волшебным образом “стекает” через гран-плие прямо на пол.

Так же и в дуэтах: он игнорирует привычные нормы и ищет новые принципы взаимодействия партнеров: например, ноги Клэр Лончампт ищут опору, пока она качается в руках Коэна Хавернита, или Петер Леунг, находясь в буквальном смысле в ногах у Дрониной, удерживает с ней полный эмоциональный контакт.

Результатом такой комбинации – «хамелеонство» Черкауи плюс сильная техника труппы – стал чрезвычайно живой номер, может быть, самый

балетный из того, что я у него видела. Танец ансамбля захватывал. Костюмы Тима ван Стинбергена, с одинаковыми у мужчин и женщин широкими юбками, как бы усиливали их движения и, вместе с растянутыми резиновыми лентами, которые вздувались разными очертаниями, сообщали спектаклю напряженную эмоцию. Внутри этого интенсивного брожения возникали и островки покоя, созданные сольными танцами, в которых особенно впечатляли Стивен Этьен и Райан Окампо, чья грация доставляла подлинное удовольствие.

«Провал во времени» Доусона черпает вдохновение в греческих мифах, используя античные архетипы, чтобы едва уловимо окрасить абстрактные движения. Вместе с немецким художником Эно Хенце и британским музыкантом Сканнером, он берет античные мотивы, но недвусмысленно дает понять, что перед нами балет 21-го века. Балет фонтанирует идеями. Так, в одной из сцен визуальные импульсы доведены до последнего предела: видеоизображение танцовщиков, снимаемых в реальном времени, проецируется на задник и становятся фоном реального танца.

Линейный рисунок уплотняется, чтобы стать волной цвета, и солнце затопляет всю мерцающую синеву моря, чтобы поглотить злосчастного Икара (очень интересная роль Джеймса Стаута). Это первый опыт Хенце в области танца, и он демонстрирует органичное родство с этой формой. Он оказывается достойным партнером, то дополняющим, то провоцирующим хореографа, так же, как и Сканнер, чья вызывающая множество ассоциаций партитура бывает то ведущей, то ведомой, но всегда остается в гармонии с миром Доусона.

Хореография Доусона обладает всеми его фирменными достоинствами: тонкой структурой, интересным контрапунктом и чудесно раскрепощенной балетной техникой. Материал потрясающий: Сергей Эндинян, Реми Вортмайер и Эдо Виджнен вкладывают в свое короткое трио

= Реми Вортмайер и Эдо Виджнен в Промежуток Времени Дэвида Доусона. Фото: Е. Каулдар/Данс Европа

столько энергии, что ее хватило бы на целый спектакль, такой это невероятный напор.

Майя Махатели и Сюзанна Кайс в роли Богинь Судьбы, живущие, как и их греческие прообразы, в неистовом состязательном дуэте; так же и Саша Мухамедова сгорает в своем танце-вызове.

Но на сцене не одно лишь буйство страстей. Для Игон де Йонг в роли Персефоны, одетой в простое черное трико, Доусон создал танец, полный томной глубины, который в полном мере довершает ее красоту. Эвридика Мишели Джиминес, с ее женской чувственностью и драматической мощью, составляет достойную пару Нарциссу Седрика Игнаса в демонстрации технического мастерства. Характеры не прорисованы полностью, но они создают точки опоры, которые упорядочивают и придают форму богатству танца. Возвращение Доусона в эту столь близкую ему область – плодотворный опыт, который вылился в новое сочинение огромной ценности.